

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ

Камила Хлупачова

До сих пор проделанный сопоставительный анализ лексики в плане русско-чешском, ориентированный преимущественно на словообразовательный аспект, позволяет сделать некоторые выводы, внести некоторые коррективы в привычные суждения и наметить перспективы.

I. Представление о слабости морфологического словообразования в русском языке в сравнении с возможностями чешской деривации нуждается в уточнении. Во многих областях русской язык, по сравнению с чешским, действительно проявляет недостаточность словообразовательных возможностей. Так в области существительных нет эквивалентов-дериватов к чешским отглагольным: *sviĉenec, uchazeĉ, opozdilce; nálezcе, zájemce, vŭherce; ĉlтанка, роĉетнице, sviĉebnice*. В области прилагательных нет производных от существительных в случаях: *sestra - sesterský (сестра - О)*, у слов церковнославянского типа: *poňyb - poňybovŭ (движение - моторный), pravopis - pravopisný (правописание - орфографический), vŭznat - vŭznatovŭ (значение - семантический), vŭvoj - vŭvojovŭ (развитие - эволюционный)*. Но в иных сферах современный русский язык обнаруживает удивительную продуктивность. Это касается, например, образования существительных *nomina actoris (перестроечник, антиперестроечник, рыночник, антирыночник, анашист)*, образования универбатов на -ка в разговорной речи (*заласка, продленка, напряженка, незавершенка, непрерывка, безотходка*), или образования от существительных стилистически окрашенных глаголов (*грипповать, пенсионерить, фарцевать, шоферить, доцентствовать, валенсовать, обарахлиться, обгайдарить*). Есть и структуры, свидетельствующие о том, что в некоторых случаях преграды и лакуны устраняются: *страновой (страна), современный, супер-современный, повестной (повесть)*.

Учитывая и обстоятельство, что растут ряды лексически однородных интернациональных номинаций (*акционер, акционерный, акционировать, акционирование*), можно было бы констатировать, что доля типичной для русского языка лексической разнородности, диспаратности, супплетивности (*палец - перст, живот - брюшной, лечить - врач - аптека*) несколько снижается. Во всяком случае русский язык нашего времени использует возможности собственного словотворчества в гораздо

большей степени, чем нам представлялось раньше. Чтобы факты соответствовали русской языковой реальности, мы должны при сопоставительном анализе привлекать и материалы разговорные, просторечные, жаргонные, по крайней мере в объеме, представленном в современных русских газетных текстах.

Из сказанного вытекает, что нуждается в дальнейшей более подробной разработке и положение о большей немотивированности русского словаря. Задача сопоставлять количественное соотношение мотивированных и немотивированных номинаций остается в силе.

2. Оба языка различаются характером соотношения лексического и грамматического планов. В русском грани между лексикой и грамматикой более подвижны и менее очерчены, чем в чешском, о чем свидетельствует широкое использование синтаксических структур для целей номинации. Аппозитивные номинации (*государства - участники: účastnické státy, страна-хозяйка встречи: hostitelská země, кресло-вертушка, майка-плакат*), представляющие собой нейтрализацию противопоставления слово - словосочетание, имеют в своем большинстве член определяемый на первом месте, т. е. повторяют порядок компонентов в синтаксической структуре аппозитивной или предикативной. Возникает необходимость сопоставительного изучения всех видов трансформаций синтаксических структур в номинации: универбизации, мультивербизации, аппозитивного соположения, аббревиации, эллиптизации, с учетом подвижности границ у многих русских синтаксически обусловленных наименований.

3. В принципе несомненно правильное положение о том, что русский язык для обозначения элементов действительности часто находит более содержательные, более точные и конкретизирующие средства, надо подкрепить гораздо большим корпусом материалов. Тенденция чешского языка к использованию слов широкого значения (как будто сближающая чешский с французским и английским), проявляется в области существительных (*balík - посылка, пачка, стопка, тюк, пакет, сверток, рулон; okraj - кромка, кайма, поля, окраина, край, опушка, обочина, борт, рант, периферия*), в области прилагательных (*cizí - чужой, незнакомый, иностранный, чуждый, посторонний*), но особенно наглядно выступает у глаголов. В русском глаголе очень часто выражаются одновременно два значения: сам способ действия и его дополнительная характеристика: пространственная (*подниматься, ступаться - jít nahoru, jít dolů; положить, поставить, повесить, убрать, снять, сунуть, вынуть* и др. как эквиваленты чеш. "dátí"), качественная и количественная (*отоспаться - vyspat se dosyta, заспаться - spát příliš dlouho, поспать, засидеться, достучаться*). Имеются и более сложные включения (*отдарить кого - odvděčit se dárkem tomu, kdo nás předtím obdaroval, отыграться - vyhrát zpět to, co jsem předtím prohrál*). В чешском в таких

случаях дополнительные характеристики даются вне глагола (*přistát na Měsíci* - *прилуниться; примарситься, привенериться*).

С другой стороны, в русском есть много глаголов, которые употребляются или исключительно в устойчивых фиксированных сочетаниях, напр. *оказать* (*помощь, поддержку, влияние, нажим, давление*), *одержать* (*победу, верх*), *творить* (*беззаконие, чудеса*), *влачить* (*жалкое существование, ярмо рабства, груз сомнений*), *облечь* (*полномочиями*), *возвести* (*на престол, в степень*), *возложить* (*венок, ответственность*), *блюсти* (*интересы, законы*), *навлечь* (*гнев, подозрения*), или в своем производном значении реализуются только в составе устойчивого сочетания: *поднять* (*восстание, вопрос, тревогу*), *бросить* (*упрек, взгляд*), *совершить* (*подвиг, поездку, сделку*), *вступить* (*в должность, во владение, в члены*). Итак, в обоих языках имеется определенное количество контекстно-связанных глаголов с отвлеченной семантикой и с функцией скорее строительной, но эта общая картина нуждается в более подробном изучении, которое поможет выявить и степень семантической автономности слова в сравниваемых языках.

4. Из запланированных задач сопоставительного анализа лексики отметим изучение того, как в области чешского словаря отражается чешско-немецкое двуязычие, в процессе столетий существовавшее на чешской территории, и в русском словаре билингвизм русско-французский, гораздо более ограниченный в смысле социальном и темпоральном. Пока можно отметить, напр. то, что возникшие в чешском в результате калькирования немецких образцов структуры, как правило, не имеют в русском прямых эквивалентов: *výlet, přednáška, maloměstto, těžkopádný; chodit za školu*. Аналогично в плане русско-чешском: *гибрид "палеви"* (из фр. *pâle*) или семантическая калька *"трудный ребенок"* (un enfant difficile); многие фразеологизмы, напр. *проглотить язык* (avalér sa langue) - *mlčet*.

5. Пристального внимания заслуживает вопрос о том, как сравниваемые языки организуют свое синонимическое богатство по линии семантической и стилистической. (В чешском: *razlíko - štempl, tuč - štangle, kopaná - fotbal*, в русском: *глаза - очи, рот - уста, слушать - внимать, появиться - предстать, конь - лошадь, пес - собака*). Это одновременно и тема сопоставительного изучения функций пластов заимствованной лексики. Исследование синонимов - это несомненно центральный вопрос в области внутренней организации семантических единиц, где наблюдаются между языками серьезные расхождения. Неодинаков и стилистический диапазон лексики.

6. Современный наплыв англоамериканизмов в обоих языках актуализирует тему проницаемости языков и их комбинаторных способностей. (В русском заимствования быстро и легко включаются в лексическую систему, в чешском могут оказаться обособленными).

7. Желательно наметить программу сопоставительных исследований по проблеме отношений между словарем и культурой. (Напр. русские лексемы: *воля, удалой, соборность, уклад, быт, кипяток*, чешские: *hospoda, pouť, posvícení, popoň, dožínky*, содержание чеш. "*národní*" в сопоставлении с русскими "*национальный, народный, отечественный, государственный*"). Тут вряд ли можно довольствоваться установлением лишь разрозненных фактов: целесообразно сопоставление фрагментов системы языка и системы социальной, культурной.

8. Традиционные темы - сопоставительное изучение полисемии и разной сегментации реальности для целей номинации до некоторой степени перекликаются с предыдущим пунктом (членение опыта и образование картины мира). Разработка проблематики в плане чешско-немецко-русском, герм. чешско-немецко-русско-французском могла бы дать интересные результаты.